

СЕРИЯ КНИГ ПО ВСЛЕННОЙ ФОНДА S.C.P.

АЛЕКС КРААС

КНИГА 2

ОБЪЕКТ 096 -СКРОМНИК

SCP Foundation

Secure, Contain, Protect

Aleks Kraas

Объект 096-Скромник

«Автор»

2026

Kraas A.

Объект 096-Скромник / А. Краас — «Автор», 2026

Вторая книга из серии о вселенной фонда по борьбе с мистическими объектами и явлениями. Книга 2-повествует об истории опасного Объекта фонда под кодом 096 -Скромник. Окунись в мир мистики

© Kraas A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 4: Архив Забытых Криков	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Aleks Kraas

Объект 096-Скромник

Глава 1: Призрак в Стали

Запах озона и перегретого металла вьелся в память доктора Александры Волковой навсегда. Он пропитывал всё: серые стены коридоров, её собственный халат, даже, казалось, сам воздух, которым она дышала. Это был запах тайны, опасности и невероятной, за гранью человеческого понимания мощи. Зона 19 не походила ни на одну лабораторию, виденную ею прежде. Здесь не было окон, не было привычной суеты и гомона. Только холодный искусственный свет, бесконечная сталь и бетон, да давящее ощущение, что за каждым поворотом тебя поджидает нечто, способное сломать законы реальности.

Саша, как она предпочитала, чтобы её называли, была криптозоологом. Всю сознательную жизнь она искала ответы на вопросы, которые академическая наука считала детскими сказками. Она искала йети в Гималаях, изучала легенды о чупакабре, пыталась выследить неуловимого снежного человека. Именно эти поиски и привели её сюда, хотя последний шаг был сделан не ею. Фонд SCP нашёл её сам. Они пришли не как рекрутеры из спецслужб, а как тени — вежливые, безупречно одетые люди, которые знали о ней всё. Они предложили работу, от которой она не смогла отказаться, потому что они показали ей доказательства. Всего одно видео, двадцать секунд размытой съёмки, где нечто неподвластное законам физики двигалось с такой скоростью, что мир вокруг превращался в смазанное пятно. Ей предложили стать ведущим криптозоологом в проекте по изучению самого загадочного существа из всех — объекта 096, «Скромника».

И сейчас она стояла в огромном помещении, похожем на ангар, перед стальным кубом без единого окна, опутанным сетью датчиков и кабелей. Её сердце билось ровно, но ладони вспотели. Она давно научилась контролировать страх, но здесь, в нескольких метрах от легенды, инстинкты древнего человека напоминали о себе.

— Доктор Волкова, — раздался сухой голос из динамика у неё над головой. — Пожалуйста, приготовьтесь. Вы входите в зону строгого карантина.

Дверь за её спиной бесшумно отъехала в сторону, впуская её в ещё более огромное пространство, наполненное гулом вентиляции и негромким пискom оборудования. К ней подошёл невысокий человек в белом халате, с лицом, изборождённым глубокими морщинами, и усталыми, всезнающими глазами. Он двигался с уверенностью человека, который провёл здесь десятилетия и уже ничему не удивлялся.

— Доктор Волкова, добро пожаловать в ад, — произнёс он без тени иронии. — Я доктор Дэн. И, поверьте, как бы вы ни были готовы, вы не готовы.

Саша медленно приблизилась к стальной стене. Она могла поклясться, что чувствует тепло, исходящее от металла. Или это был не жар, а нечто иное — незримое давление, волна угрозы, исходящая от существа внутри.

— Почему «Скромник»? — тихо спросила она, не оборачиваясь.

— Потому что он ненавидит, когда на него смотрят, — ответил доктор Дэн, остановившись у неё за спиной. — Он просто очень, очень стеснительный. Стеснительный настолько, что любой, кто увидит его лицо — неважно, вживую, на фотографии или даже на четырёх пикселях видеозаписи, — будет мёртв в течение нескольких часов. Вне зависимости от расстояния. А теперь идёмте, я покажу вам то, что изменит ваше представление о страхе. Навсегда.

Он повёл её не к кубу, а в обход, в небольшой операторский зал, уставленный мониторами. Каждый экран показывал один и тот же куб с разных ракурсов, графики биометрических показателей, уровней углерода и ещё десятков параметров, названия которых Саша видела впервые.

— Присаживайтесь, — доктор Дэн указал на кресло перед главной консолью. — Прежде чем вы начнёте с ним работать, вы должны понять правила. Они просты, и нарушение любого из них означает смерть. Не вашу, хотя и вашу тоже. Но в первую очередь — смерть сотен, возможно, тысяч людей.

Он положил перед ней тонкую папку с грифом «Совершенно секретно/Класс Евклид».

— Объект SCP-096. Гуманоид ростом около двух с половиной метров. Чрезвычайно худой, аномально длинные руки, кожа бледная, почти белая. Находится в постоянном состоянии дистресса — в основном сидит в углу, закрыв лицо руками, и рыдает. Отсюда и прозвище. Агрессии не проявляет, пока... пока на него не посмотрят.

Он нажал кнопку, и на одном из мониторов появилась карта мира с несколькими красными точками.

— Механизм прост. Стоит кому-то увидеть лицо SCP-096 — непосредственно, на снимке или даже в отражении, — объект входит в состояние неуправляемой ярости. Он издаёт крик, который фиксируется на частотах, недоступных человеческому уху, и начинает двигаться к цели. Его скорость не поддаётся измерению нашими приборами. Он игнорирует любые препятствия: стены, землю, воду, вакуум. Ничто не может его остановить. Мы пытались.

Саша медленно перевернула страницу. Там были фотографии — размытые, сделанные камерами наблюдения. Разорванные тела, разрушенные здания, проломленные переборки кораблей.

— Выжившие? — спросила она, понимая ответ заранее.

— Среди прямых наблюдателей? Ноль. Ноль за всю историю содержания. Мы пробовали всё: амнезиак класса А, лоботомию, даже полную замену воспоминаний через процедуру «Мнемозина». Ничто не работает. Однажды лицо зафиксировано — цель уничтожена. Периодически случаются инциденты с D-классом, но мы их не считаем. Это расходный материал.

Он говорил об этом так буднично, словно речь шла о лабораторных мышах. Саша подавила желание возразить. Она знала, куда шла. Фонд не был научной благотворительностью. Он был щитом, и щит этот строился из костей.

— Сейчас он спокоен, — продолжал доктор Дэн, кивая в сторону куба. — Мы поддерживаем внутри постоянную освещённость, исключаяющую появление теней, которые можно интерпретировать как лицо. Персонал работает в специальных очках с искажением, любое оптическое устройство имеет блокировку. Если вы захотите пообщаться с ним — только через аудиосвязь. Визуальный контакт категорически запрещён. Вам понятно?

— Да, — коротко ответила Саша.

— Хорошо. Потому что сейчас я покажу вам, что происходит, когда кто-то нарушает правила.

Он переключил монитор на запись с пометкой «Инцидент 096-1-A». Камера в помещении, очень похожем на это. В центре — человек в оранжевом комбинезоне. D-класс.

— Эксперимент по воздействию визуального стимула, — прокомментировал Дэн. — Субъекту показали портрет объекта, выполненный художником со слов свидетелей. Рисунок был неточен в деталях, но...

На экране D-класс замер, глядя на изображение, которое не попадало в кадр. Прошло четыре секунды. Затем динамики взорвались жутким, нечеловеческим криком. Он шёл не от человека. Он шёл из куба. Стальная стена, казалось, завибрировала.

Саша невольно отшатнулась от экрана. Крик был полон такой первобытной боли и ярости, что у неё заledenели внутренности.

— Звук, — тихо сказал Дэн. — Он означает активацию. Дальше объект перестаёт быть «скромником».

На записи человек в комбинезоне закричал и бросился к двери. Он не успел сделать и трёх шагов. Стена куба буквально взорвалась изнутри. Не выбилась, не сломалась — разлете-

лась, как фольга. Нечто белое, невероятно быстрое, промелькнуло через всю комнату. Камера потеряла фокус, и когда изображение восстановилось, D-класс лежал на полу, а то, что от него осталось, невозможно было описать. Существо — высокое, тощее, с непропорционально длинными руками — стояло над телом, закрывая лицо костлявыми пальцами. Его плечи содрогались. Оно рыдало.

— После завершения акта агрессии, — бесстрастно продолжал Дэн, — объект возвращается в исходное состояние. Он не ест жертв. Он не собирает трофеев. Он просто убивает и уходит. Мы восстановили камеру. Он не проломил дверь, он проломил десять перекрытий над ней, потому что так было короче до цели. Затем он вернулся и сел в угол. Видите?

Саша смотрела на запись, не в силах отвести взгляд. Существо на экране сидело в углу, закрыв голову руками, и его рваные, всхлипывающие рыдания разносились по пустой комнате. Оно казалось не чудовищем, а сломленным, отчаявшимся созданием.

— С этого момента и начнётся ваша работа, — сказал доктор Дэн, выключая запись. — Мы знаем, *что* он делает. Мы понятия не имеем, *почему*. И *как*. Физика его движений невозможна. Биология — его клетки регенерируют быстрее, чем мы успеваем их повредить. Психология... — он усмехнулся, — психология — это ваш профиль, доктор Волкова. Совет О5 считает, что взгляд криптозоолога, человека, который искал невозможное в мифах, может дать нам ответы. Что вы думаете?

Саша молчала, глядя на стальной куб за стеклом операторской. Её пульс наконец-то начал успокаиваться. Она думала о том, что увидела на записи. Не о скорости. Не о силе. О плаче. О том, как существо закрывало лицо после убийства.

— Я думаю, — медленно произнесла она, — что он не нападает. Он... защищается? Как если бы сам факт того, что на него смотрят, причинял ему чудовищную боль.

Доктор Дэн внимательно на неё посмотрел. Впервые за всё время в его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Интересная теория. Но она не объясняет, почему он преследует смотрящего, даже если тот не угрожает ему. Почему не прячется, а бежит навстречу источнику боли.

— Возможно, — Саша повернулась к нему, — потому что он не может спрятаться. Возможно, его сознание устроено так, что пока «наблюдатель» существует, боль не прекращается. Единственный способ остановить её — устранить источник. Это не защита. Это агония.

— Проверьте, — коротко бросил Дэн, возвращаясь к своему обычному сухому тону. — В вашем распоряжении лабораторный блок, полный архив инцидентов и, разумеется, сам объект. Завтра в 08:00 вы проведёте первый сеанс аудионаблюдения. Вопросы?

— Один. Вы сказали, выживших среди прямых наблюдателей нет. Но ведь должны быть косвенные. Те, кто взаимодействовал с объектом иным способом.

Дэн замер у двери. Его спина напряглась.

— Есть один. Но его показания засекречены уровнем допуска выше вашего. Возможно, позже.

Он вышел, оставив её одну в окружении мониторов. Саша снова посмотрела на куб. Где-то там, в нескольких метрах от неё, сидело в темноте существо, которое убило больше людей, чем иная война. Существо, которое рыдало так, словно его сердце разрывалось на части.

Она положила ладонь на холодное стекло. Её пальцы дрожали — не от страха, а от странного, необъяснимого волнения. В историях о йети и снежном человеке она всегда искала за монстром историю. Здесь история была написана кровью, но она чувствовала, что правда куда страшнее и трагичнее, чем просто аномалия.

— Кто же ты такой? — прошептала она, глядя на своё отражение в стекле. — И что с тобой сделали?

В динамике хрипнул голос доктора Дэна:

— Волкова, покиньте операторскую. Комендантский час через десять минут.

Саша ещё раз взглянула на монитор, где отображалась термальная карта куба. Слабое, едва заметное красное пятно в углу. Оно не двигалось. Оно ждало.

Она выключила консоль и вышла в серый коридор. Запах озона стал невыносимым. Но теперь к нему примешалось что-то ещё — едва уловимый, горький аромат чужой боли.

Завтра в 08:00 она начнёт свою работу. И где-то глубоко внутри себя Саша знала, что пути назад уже не будет.

Глава 2: Шёпот в Темноте

Утро в Зоне 19 не отличалось от ночи. Те же лампы дневного света, тот же гул вентиляции, тот же запах озона. Саша проснулась в крошечной каюте, больше похожей на тюремную камеру, чем на жильё для научного сотрудника, и долго лежала, глядя в серый потолок. Где-то наверху, за десятками метров стали и бетона, сейчас всходило солнце. Здесь, внизу, время измерялось не светилком, а графиками дежурств и расписанием экспериментов.

Она встала, умылась ледяной водой и надела свежий лабораторный халат. На груди висел новый пропуск с красной полосой — доступ уровня 3, выданный вчера вечером после много-часовых проверок. В столовой, такой же стерильной и безликой, как и всё вокруг, она выпила чашку синтетического кофе, чувствуя на себе взгляды других сотрудников. Новички здесь были редкостью. Новички с её специализацией — тем более.

Ровно в 07:45 она стояла у дверей лабораторного блока 7-Г, где ей предстояло работать. Доктор Дэн уже ждал её, и вид у него был непривычно мрачный, даже по сравнению со вчерашним днём.

— Доброе утро, — начала Саша, но он прервал её взмахом руки.

— Инцидент. Ночью. В секторе архивации данных.

Он быстро зашагал по коридору, и Саше ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Что произошло?

— Техник из отдела цифровой обработки. Работал со старыми файлами по делу 096. Сканировал фотоматериалы изъятия объекта в Гималаях. Одна из плёнок была повреждена, и он запустил алгоритм восстановления изображения. Алгоритм достроил недостающие пиксели.

— Четыре пикселя, — прошептала Саша, чувствуя, как холодеет в груди.

— Восемь, если быть точным, — сухо поправил Дэн. — Достаточно. Система тревоги сработала мгновенно. Мы успели заблокировать сектор и ввести протокол «Пузырь». Но объект уже активировался. Он проломил три стены, пока мы не запустили отвлекающий визуальный стимул в противоположном конце Зоны.

— Отвлекающий стимул? — Саша остановилась. — Вы показали кому-то его лицо? Специально?

Дэн даже не замедлил шага.

— D-1147. Приговорён к пожизненному заключению за серийные убийства. Его смерть спасла двенадцать сотрудников в секторе архивации. Идёмте, это было решение Совета, и не нам его обсуждать.

Саша сжала кулаки, но промолчала. Она знала правила Фонда. Она приняла их, когда подписывала контракт. Но одно дело — знать, и совсем другое — слышать, как о человеческой жизни говорят языком бухгалтерского баланса.

Лабораторный блок 7-Г представлял собой просторное помещение, разделённое толстым бронированным стеклом на две части. В первой, где находились учёные, стояли консоли мониторинга, столы с оборудованием и сложная система динамиков и микрофонов. Во второй, изолированной, не было ничего, кроме бетонных стен, тусклого освещения и — в самом углу — скрюченной фигуры, замотанной в грязные бинты.

Саша медленно подошла к стеклу. Её сердце пропустило удар.

Он был именно таким, как на записях, но реальность оказалась куда страшнее. Существо ростом под два с половиной метра сидело, прижавшись спиной к стене и подтянув колени к груди. Его руки, невероятно длинные, с тонкими пальцами, заканчивающимися чем-то, похожим на когти, крепко обхватывали голову, полностью закрывая лицо. Оно было тощим до жути — кожа обтягивала кости так плотно, что можно было пересчитать каждый позвонок, каждое ребро. Бинты, которыми его пытались обмотать во время последнего содержания, свисали грязными лохмотьями.

И оно плакало. Тихий, непрекращающийся звук, больше похожий на скулёрж раненого животного, проникал через динамики и заполнял комнату наблюдения. Он был монотонным, ритмичным — всхлип, пауза, всхлип.

— Почему оно издаёт эти звуки постоянно? — спросила Саша, не отрывая взгляда от существа.

— Одна из загадок, — ответил Дэн, устраниваясь за главной консолью. — Мы проводили анализы. Это не связано с дыханием или питанием. Создаётся впечатление, что он находится в состоянии перманентного дистресса. Как если бы он постоянно испытывал сильную физическую или психологическую боль.

— Боль от чего?

— Вот это вам и предстоит выяснить. Ваша первая задача — аудиосессия. Мы пробовали общаться с ним десятки раз. Реакция всегда одна — ноль. Он не реагирует на голоса, на команды, на угрозы, на мольбы. Единственное, что выводит его из этого состояния — визуальный контакт. Но тогда начинается то, что вы видели вчера.

Саша села за микрофон. Её пальцы легли на прохладную поверхность панели. Она посмотрела на мониторы — биометрия объекта была на удивление стабильной. Сердцебиение — сорок ударов в минуту, дыхание — почти не фиксируется, мозговая активность минимальна. С точки зрения медицины, перед ней был пациент в глубочайшей кататонии.

— Дайте мне полную тишину в канале, — попросила она. — И отключите все внешние шумы, какие возможно.

Дэн кивнул, и через минуту в лаборатории воцарилась такая тишина, что Саша слышала биение собственного сердца. Она нажала кнопку связи.

— SCP-096, — произнесла она мягко, почти шёпотом. — Меня зовут доктор Волкова. Я здесь не для того, чтобы причинить тебе боль. Я здесь, чтобы понять.

Тишина. Существо не шевельнулось. Всплипы продолжались в том же ритме.

— Я знаю, что ты слышишь меня, — продолжала Саша. — Я знаю, что за тем, что мы видим, скрывается разум. Я работала с существами, которых считали животными, но они понимали больше, чем мы могли предположить. Я не буду смотреть на тебя. Я обещаю.

Она замолчала, ожидая. Ничего.

— Может, попробовать другой подход? — подал голос Дэн. — Мы использовали и угрозы, и ультразвук, и инфразвук. Ноль реакции.

— Потому что вы обращались к монстру, — тихо ответила Саша, не оборачиваясь. — А я хочу обратиться к тому, кем он был до того, как стал монстром.

Она снова нажала кнопку.

— Я знаю, что тебе больно. Я слышу это в твоём плаче. Я не могу представить, через что ты прошёл, но я хочу помочь. Если ты понимаешь меня, дай мне знак. Любой. Не двигайся, не меняй позу. Просто... измени ритм дыхания. Или всхлипов. Что угодно.

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать. Дэн уже открыл рот, чтобы сказать что-то саркастическое, но осёкся.

Потому что ритм изменился.

Всхлипы, до этого монотонные, как метроном, сбились. Один из них прозвучал чуть громче, чуть выше, словно существо на мгновение задержало дыхание, а затем выдохнуло с новым, едва уловимым оттенком.

— Вы это видели? — прошептала Саша, глядя на монитор биометрии. Сердцебиение объекта участилось на три удара в минуту. Мозговая активность чуть-чуть поднялась, выйдя из красной зоны «глубокого сна» в оранжевую.

— Зафиксировано, — голос Дэна звучал озадаченно. — Продолжайте.

— Спасибо, — сказала Саша в микрофон, и её голос дрогнул от искренней благодарности. — Спасибо, что услышал меня. Я не знаю, понимаешь ли ты слова, но я верю, что ты чувствуешь интонацию. Я приду к тебе ещё. И я обещаю — я найду способ понять, что с тобой случилось.

Она отключила связь и откинулась на спинку кресла. Её руки дрожали. Доктор Дэн молча смотрел на неё, и в его взгляде читалась сложная смесь скепсиса и зарождающегося интереса.

— Это может быть случайностью, — произнёс он наконец. — Совпадением.

— Вы не верите в совпадения, доктор Дэн, — ответила Саша. — Фонд не верит в совпадения.

— Верно, — он помолчал. — Поэтому сегодня вечером вы получите допуск к архиву инцидентов. Всему архиву, включая тот, что касается его обнаружения. Там есть кое-что... необычное. Но перед этим — стандартный инструктаж по безопасности. Вы ещё не встречались с капитаном Дюбуа, командиром мобильной группы «Эхо-Ромео». Он отвечает за силовое реагирование в случае нарушения условий содержания. И он... человек с непростым характером.

— Я смогу с ним поладить.

— Не уверен, — усмехнулся Дэн. — Он ненавидит этот объект больше, чем кто-либо в Зоне. И он считает, что любые попытки коммуникации — пустая трата ресурсов, которая рано или поздно приведёт к новым жертвам. Если он узнает, что объект среагировал на вас, он будет настаивать на немедленном прекращении экспериментов.

Саша повернулась к стеклу. Существо в камере снова впало в свой обычный ритм, но что-то изменилось. Ей показалось, или пальцы, закрывающие лицо, чуть-чуть сжались крепче?

— Тогда он не узнает, — твёрдо сказала она. — Пока у меня не будет достаточно данных.

Дэн кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— Добро пожаловать в Фонд по-настоящему, доктор Волкова. Ложь ради высшей цели — это наш хлеб. Привыкайте.

Вечером Саша сидела в своей каюте, разбирая архивные файлы. Допуск уровня 3 открыл ей доступ к огромному массиву данных по SCP-096 — отчёты о захвате, отчёты об инцидентах, протоколы неудачных экспериментов. Но среди всего этого моря информации её внимание привлёк один документ, помеченный грифом «ЭКСТРЕННО» и датированный тремя годами ранее.

Инцидент 096-1-Омега. Место: гора К2, Пакистан. Объект обнаружен местным гидом Дэниелом Картером. Фотография сделана за 72 часа до инцидента. Объект активирован. Жертва: Картер, Дэниел. Результат: смерть. Обстоятельства: нестандартные.

Она открыла прикреплённый файл и замерла.

Это был отчёт группы зачистки, прибывшей на место через сутки после гибели Картера. Тело было найдено в его квартире в Сиэтле — точнее, то, что от него осталось. Никаких следов взлома, никаких свидетелей. Объект преодолел расстояние в двенадцать тысяч километров менее чем за двенадцать часов и исчез до прибытия сил Фонда.

Но самое странное было в приложении к отчёту. Среди вещей погибшего был найден дневник — маленький, потрёпанный блокнот, который Картер вёл во время экспедиции. Последняя запись, сделанная за час до смерти, гласила:

«Я не знаю, что это было. Я просто увеличил фото, чтобы рассмотреть странное пятно на снегу. А потом... Боже, оно знает. Откуда оно знает? Я ничего не сделал. Я просто ПОСМОТРЕЛ. И теперь я чувствую его. Оно приближается. Я слышу этот звук. Не крик — плач. Где-то далеко, но он становится громче. Оно плачет, Господи, почему оно плачет, если это я должен плакать? Мне страшно. Я не хочу умирать. Пожалуйста, если кто-то найдёт это, не смотрите на фото. НЕ СМОТРИТЕ НА...»

Запись обрывалась. Саша перечитала её трижды. Слова простого горного гида странным образом перекликались с тем, что она сама почувствовала сегодня, глядя на скрюченную фигуру за стеклом.

Она закрыла файл и долго сидела в тишине, перебирая в памяти события дня. Где-то на краю сознания зрела мысль, пока ещё смутная, неоформленная. Мысль о том, что SCP-096 — не монстр. И не безумец. Возможно, он — жертва. Жертва того, кто создал это чудовищное правило, заставляющее его убивать каждого, кто увидит его лицо.

А это означало, что где-то в тени, за пределами стального куба, скрывается настоящий преступник.

Саша выключила свет и легла, глядя в темноту. Завтра ей предстояло встретиться с капитаном Дюбуа. Завтра ей предстояло узнать, почему человек, отвечающий за сдерживание 096, ненавидит его так сильно, что готов нарушить протоколы.

Но сейчас, засыпая, она слышала только эхо того всхлипа — того самого, который изменил ритм. И в этом звуке ей чудился не животный ужас, а мольба.

Мольба о помощи, которую никто не слышал уже очень, очень давно.

Глава 3: Усмирение Бури

Капитан Жан-Люк Дюбуа, позывной «Док», стоял в центре тренировочного полигона и смотрел на секундомер. Тридцать секунд. Это был норматив, который он установил для своего отряда три года назад, и с тех пор никто не смел его оспаривать. Тридцать секунд на полное развёртывание протокола «Стеклянный Глаз». Тридцать секунд между жизнью и адом.

— Время! — рявкнул он.

Шесть фигур в тактической броне чёрного цвета одновременно пришли в движение. Полигон, имитирующий коридоры Зоны содержания, наполнился топотом ног, лязгом оружия и отрывистыми командами. Дюбуа наблюдал, скрестив руки на груди, и его единственный глаз — левый, серый, как грозовое небо — фиксировал каждую ошибку.

Правая глазница была скрыта под чёрной повязкой. Шрам, пересекающий лицо от лба до скулы, служил вечным напоминанием о том, почему он здесь.

Бойцы «Эхо-Ромео» действовали слаженно, как единый организм. Первая двойка выдвинула портативные зеркальные экраны — поликарбонатные щиты с идеально отполированной поверхностью. Вторая двойка развернула систему дистанционного наблюдения: дроны-наблюдатели с оптическими фильтрами, передающие изображение с задержкой в ноль-три секунды. Задержка была критически важна. Прямая трансляция означала смерть. Задержанная — давала шанс.

Третья двойка, снайперы, заняла позиции за передвижными барьерами. Их оружие было заряжено не пулями, а специальными зарядами с амнезиаком класса В — теоретически, если выстрелить в цель до того, как 096 доберётся до неё, можно стереть память и предотвратить активацию. Теоретически. На практике это ещё ни разу не срабатывало.

— Двадцать восемь секунд, — произнёс Дюбуа, нажимая кнопку на пульте. — Принято. Но О'Брайен, твой зеркальный щит дрогнул на развёртывании. Если бы это был реальный прорыв, ты бы уже видел его лицо в щели между панелями. А значит, ты был бы трупом.

Боец по имени О'Брайен, коренастый ирландец с рыжей щетиной, выругался сквозь зубы, но спорить не стал. Дюбуа не терпел оправданий.

— Ещё раз. Сценарий «Дельта»: прорыв в жилом секторе, объект движется к цели через восточный коридор. Задача: перехватить и отвлечь визуальным стимулом. Время пошло.

Тренировка продолжалась ещё два часа. Когда Дюбуа наконец отпустил отряд в казармы, его спина была мокрой от пота, а голос охрип от команд. Он проводил взглядом уходящих бойцов и позволил себе на мгновение прикрыть глаз. Усталость была его постоянным спутником, но он давно научился не обращать на неё внимания.

— Капитан, — раздался голос из динамика внутренней связи. — Доктор Дэн просит вас зайти в лабораторный блок 7-Г. Говорит, новый криптозоолог хочет с вами познакомиться.

Дюбуа скривился. Он слышал о новом назначении — какая-то искательница снежного человека, возомнившая, что сможет понять аномалию, которая не поддавалась лучшим умам Фонда на протяжении десятилетий. Он знал этот тип учёных. Идеалисты, которые приходили с горящими глазами и уходили — те, кто выживал — с пустыми.

— Иду, — коротко ответил он и направился в лабораторный блок.

Доктор Волкова оказалась не такой, как он ожидал. Он представлял себе сухую академическую даму в очках, а увидел молодую женщину с цепким взглядом и странным выражением лица — не испуганным, не восторженным, а скорее задумчивым, словно она постоянно решала в уме какую-то сложную задачу. Она стояла у стекла, отделяющего наблюдательный пункт от камеры 096, и что-то записывала в блокнот.

— Капитан Дюбуа, — представился он, входя. — Командир группы «Эхо-Ромео». Это мы ловим вашего подопечного, когда он решает прогуляться.

Волкова обернулась и внимательно на него посмотрела. Её взгляд на долю секунды задержался на его шраме и повязке, но она не отвела глаз и не сделала вид, что не заметила. Это было необычно. Большинство людей либо пялились, либо старательно отводили взгляд. Она просто приняла это как данность.

— Доктор Александра Волкова, — ответила она, протягивая руку. — Можно просто Саша. Спасибо, что нашли время.

— У меня не было выбора, — сухо ответил Дюбуа, пожимая её руку. — Приказ Совета. Но я скажу вам честно, доктор Волкова, я не одобряю ваше назначение.

— Я уже поняла, — спокойно ответила она. — Доктор Дэн предупредил.

— Что ещё он вам сказал?

— Что вы ненавидите этот объект больше, чем кто-либо в Зоне. И что вы считаете попытки коммуникации пустой тратой ресурсов.

Дюбуа хмыкнул. Старик Дэн был до тошноты дипломатичен.

— Ненависть — непрофессиональное чувство, — произнёс он, подходя к стеклу и глядя на скрюченную фигуру в камере. — Я не ненавижу его. Я понимаю его природу. Это машина для убийства. Совершенная, безжалостная, не поддающаяся переговорам. Я потерял людей, пытаюсь её остановить. Хороших людей. И каждый раз, когда кто-то из учёных придумывает новый способ «понять» его, я теряю ещё кого-то.

— Вы говорите о нём как о предмете, — заметила Саша.

— Потому что он и есть предмет. Объект. SCP. Не человек, не животное. Нечто, что существует по правилам, которые мы не понимаем. Но одно правило мы знаем точно: если ты увидел его лицо — ты мёртв. Всё остальное — философия, которая стоит жизней.

Он повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза.

— Доктор Дэн сказал мне, что вы провели аудиосессию сегодня утром. Результаты?

Саша на мгновение замешкалась, и Дюбуа заметил это. Он был обучен замечать малейшие признаки лжи.

— Никаких существенных изменений, — ответила она ровно. — Объект не реагирует на голосовые команды, как и ожидалось.

— Вот как, — Дюбуа продолжал смотреть на неё. Что-то в её голосе было не так, но он не мог точно определить, что именно. — И всё же вы здесь, записываете что-то в блокнот. Что именно?

— Наблюдения, — Саша пожала плечами. — Паттерны поведения. Частоту вокализации. Это рутинная работа.

— Рутинная, — повторил Дюбуа, и в его голосе прозвучала сталь. — Позвольте мне рассказать вам, доктор Волкова, что такое рутина для моего отряда. Год назад произошёл инцидент в секторе 12. Техник ошибся при замене фильтра на камере наблюдения. Всего на долю секунды прямой сигнал попал в сеть. Три человека в диспетчерской увидели его лицо на мониторах. Три человека. Мы успели изолировать сектор, но объект уже активировался. Он прошёл через четыре уровня защиты. Не обошёл, не взломал — прошёл сквозь них. Бетон, сталь, свинец — для него это бумага. Мы потеряли не только те три цели, но и ещё пятерых сотрудников, которые оказались на его пути. Я лично вытаскивал их тела из-под обломков. То, что осталось от тел.

Он замолчал, давая ей время осознать услышанное. Саша побледнела, но выдержала его взгляд.

— Я понимаю вашу позицию, капитан, — тихо сказала она. — И я не собираюсь рисковать людьми. Но если мы не поймём, почему он это делает, мы никогда не сможем это остановить. Вы боретесь с симптомом. Я хочу найти причину.

— А если причина в том, что он просто монстр? — резко спросил Дюбуа. — Просто аномалия, созданная, чтобы убивать? Что тогда? Вы примете это и перестанете искать то, чего нет?

— Если я это докажу, то приму, — ответила Саша. — Но пока я не вижу монстра. Я вижу существо, которое непрерывно страдает. Существо, которое плачет, когда убивает, и плачет, когда сидит в одиночестве. Монстры не плачут, капитан.

Дюбуа долго смотрел на неё. В комнате повисла напряжённая тишина, нарушаемая только приглушёнными всхлипами из динамиков.

— Знаете, что я слышу в этом плаче? — спросил он наконец. — Я слышу сирену. Предупреждение об опасности. А ещё я слышу голоса моих погибших парней. Они тоже плакали, когда умирали.

Он развернулся и направился к выходу. У двери остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Доктор Дэн сказал, что вы будете работать с архивом. Там есть файл с грифом «Инцидент 096-17-Кримсон». Ознакомьтесь с ним, прежде чем продолжить свои «наблюдения». Возможно, это изменит ваше мнение о том, кто здесь монстр.

Дверь за ним закрылась, оставив Сашу одну. Она выдохнула и прислонилась спиной к стене. Разговор дался ей тяжелее, чем она ожидала. Дюбуа не был просто солдафоном, ослеплённым ненавистью. Он был человеком, который потерял слишком много и теперь не мог позволить себе надежду. И в чём-то его аргументы звучали убедительно.

Но она помнила тот всхлип. Изменение ритма. Реакцию, которую не смог зафиксировать ни один прибор, кроме её собственных ушей.

Что-то внутри неё говорило, что капитан ошибается. И она собиралась доказать это — даже если для этого придётся солгать ему ещё раз.

Она открыла терминал и ввела в строку поиска: «Инцидент 096-17-Кримсон».

На экране появилось предупреждение: «ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. УРОВЕНЬ ДОПУСКА 4. ДЛЯ ПРОСМОТРА ТРЕБУЕТСЯ РАЗРЕШЕНИЕ СОВЕТА О5».

Саша нахмурилась. Инцидент, на который ссылался Дюбуа, имел уровень секретности выше её текущего. Это могло означать только одно: там произошло нечто, что Фонд не хотел показывать даже своим сотрудникам.

Она отключила терминал и задумчиво посмотрела на тёмный экран. Дюбуа дал ей зацепку. Возможно, он ожидал, что она испугается и отступит. Но он не знал одного: за годы поисков йети и чупакабры Саша Волкова усвоила простое правило — чем сильнее кто-то пытается что-то скрыть, тем ближе ты к разгадке.

Завтра она собиралась нанести визит в архивный сектор и выяснить, что же на самом деле означает «Кримсон» — и почему одно упоминание этого слова заставило стальной взгляд капитана Дюбуа на мгновение дрогнуть.

Глава 4: Архив Забытых Криков

Утро началось с серого дождя. Саша не видела его — здесь, на глубине трёхсот метров под поверхностью, не было окон, — но она знала, что дождь идёт, потому что вентиляция работала с особым, влажным присвистом, а воздух стал тяжелее. Или, может быть, это просто атмосфера давила на неё сильнее обычного.

Она стояла перед дверью в архивный сектор 4-G, ожидая, пока система безопасности завершит сканирование её пропуска. Красный луч пробежал по лицу, считал сетчатку, сверил отпечатки пальцев на ручке двери. Наконец, с тихим шипением дверь открылась.

Архив Зоны 19 не был похож ни на одну библиотеку, которую Саша видела прежде. Никаких деревянных стеллажей и пыльных фолиантов. Это было помещение, залитое холодным синим светом, с рядами герметичных серверных стоек, мониторов и климатических установок. Информация здесь хранилась в цифре и в специальных сейфах с бумажными копиями — на случай, если цифра откажет. Воздух пах озоном и старой бумагой.

Доктор Дэн уже ждал её внутри, сидя за одним из терминалов. Рядом с ним стояла пожилая женщина с седыми волосами, собранными в строгий пучок. Её лицо напоминало маску — такое же бесстрастное и непроницаемое, как у всех архивариусов Фонда, с которыми Саше доводилось встречаться.

— Доктор Волкова, — Дэн жестом пригласил её сесть. — Это архивариус Кляйн. Она будет вашим проводником в мире мёртвых бумаг. У вас есть доступ ко всем материалам уровня 3. Включая полный файл объекта 096. Изучайте, анализируйте. Вопросы — к Кляйн.

— Все вопросы? — уточнила Саша, многозначительно глядя на него.

Дэн на мгновение замаялся, но затем кивнул.

— Все, на которые она сможет ответить в рамках вашего допуска. Я буду в лаборатории. Если найдёте что-то... интересное, дайте знать.

Он вышел, оставив Сашу наедине с архивариусом. Кляйн молча указала на терминал. На экране уже был открыт файл. Заголовок гласил:

ОБЪЕКТ №: SCP-096

КЛАСС: ЕВКЛИД

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ: ПЕРЕСМОТРЕНО (см. Приложение 096-B)

Саша начала читать. Первые страницы были ей уже знакомы: описание внешности, параметры, стандартные протоколы содержания. Но чем дальше она продвигалась, тем более странным и пугающим становился документ.

Приложение 096-1: «Инцидент 096-1-Альфа» — запись того самого эксперимента с D-классом и рисунком, который показывал ей Дэн в первый день. Она перечитала отчёт. Детали были сухими, клиническими. D-1143, мужчина, 34 года, бывший наёмный убийца. Показано изображение. Время до активации объекта: 4 секунды. Время до смерти цели: 18 секунд. Объект преодолел 12 метров армированного бетона. Способ убийства: «массивная травматическая ампутация конечностей и разрыв туловища». Саша сглотнула и пролистнула дальше.

Приложение 096-7: «Эксперимент 096-Т-Дельта». Попытка уничтожения. Объект подвергли воздействию термитной смеси при температуре 2500°C. Результат: внешние ткани повреждены, но регенерировали в течение 4 минут. Объект продолжал преследование цели. Цель уничтожена.

Приложение 096-9: «Эксперимент 096-К-Гамма». Попытка сдерживания при помощи амнезиаков класса C. Цели (D-1452, D-1453) введён препарат после визуального контакта.

Полная амнезия подтверждена. Активация объекта сохранилась. Цели уничтожены. Вывод: амнезия не устраняет триггер. Объект «помнит» факт визуального контакта независимо от состояния памяти цели.

Саша откинулась на спинку стула и потёрла виски. Каждый эксперимент был тупиком. Каждая попытка понять — провалом. Фонд бросал на это чудовище лучшие умы и самые передовые технологии, но ответ всегда был один: смерть.

— Архивариус Кляйн, — тихо позвала она. — Здесь есть отчёт об эксперименте с батисферой?

Кляйн, до этого неподвижно сидевшая в углу, встала и подошла к терминалу. Её пальцы, длинные и сухие, забегали по клавиатуре.

— Эксперимент 096-17, — произнесла она скрипучим голосом. — Один из самых... показательных.

На экране появился новый файл. Саша открыла его и начала читать.

Эксперимент 096-17. Цель: определить пределы физической устойчивости объекта и его способность преследовать цель в экстремальных условиях.

D-класса с идентификатором D-1723 поместили в глубоководную батисферу «Триест-II» и опустили на глубину 10 900 метров в Марианскую впадину. После стабилизации батисферы на дне, D-1723 было показано изображение лица SCP-096 через защищённый монитор. Объект активировался через 3 секунды.

Далее следовали записи телеметрии. Саша читала их, и холодок бежал по её спине. Объект покинул камеру содержания и начал движение. Он преодолел расстояние от Зоны 19 до точки в Тихом океане за 2 часа 47 минут. На глубине он не замедлился. Напротив, его скорость возросла. Подводные камеры зафиксировали его погружение: тело выдерживало давление, которое должно было расплющить его в лепёшку. Он достиг батисферы за 19 минут после входа в воду.

— Как?.. — прошептала Саша, но ответа не было.

Дальнейшие записи гласили, что объект проломил титановый корпус батисферы, убил D-1723, после чего, в результате разгерметизации, батисфера была разрушена давлением воды. Объект оставался на дне в течение 4 часов, после чего начал всплытие и вернулся в камеру содержания. Повреждения, полученные от давления, регенерировали в течение 2 часов.

К файлу прилагалась аудиозапись. Саша надела наушники и включила воспроизведение.

Сначала был только шум помех и глухой стук сердца — вероятно, датчик на D-1723. Затем — голос оператора: «Показываем изображение». Пауза. И затем — этот звук. Утробный, низкий крик, переходящий в истошный плач. Он шёл не от человека. Он шёл от объекта, и гидрофоны зафиксировали его даже сквозь толщу воды. D-1723 закричал — дико, животным ужасом, понимая, что спасения нет. Его крик оборвался через 22 секунды.

Саша сорвала наушники. Её трясло. Она не ожидала, что обычный аудиофайл может быть страшнее любого видео.

— Почему? — спросила она вслух, не обращая ни к кому конкретно. — Почему он идёт на такие крайности? Он мог бы просто убить, если бы добрался, но нет — он пробивает любые препятствия. Ему не важно, где находится цель — на суше, на воде, под землёй. Он достанет. Зачем?

— Это не единственный вопрос, — неожиданно ответила Кляйн. Она снова склонилась над клавиатурой и открыла другой файл. — Вот то, что вы ищете, доктор Волкова. То, о чём спрашивали у доктора Дэна в первый день.

На экране высветилось: **Приложение 096-19-Омега. Уровень допуска: 4. Ограниченный доступ.** Но сегодня Саше выдали временный доступ. По-видимому, Дэн решил, что она готова.

Файл содержал аудиозапись интервью. Название: «Интервью с SCP-096-A (Выживший)».

— Выживший? — Саша резко повернулась к Кляйн. — Мне сказали, что выживших нет. Что он не оставляет свидетелей.

— Среди прямых наблюдателей — нет, — подтвердила Кляйн. — Но есть один случай косвенного выживания. Ознакомьтесь.

Саша надела наушники и включила запись. Голос интервьюера — спокойный, профессиональный, вероятно, психолог Фонда.

«Назовите ваше имя для записи».

Пауза. Затем голос — женский, надломленный, едва слышный.

«Мария... Мария Эстевес. Я не... я не знаю, зачем я здесь. Я ничего не сделала».

«Вы не под арестом, мисс Эстевес. Вы находитесь под защитой. Пожалуйста, расскажите, что произошло в Андах, два месяца назад».

Долгая пауза. Шум дыхания, сбивчивого, прерывистого.

«Мы были... туристическая группа. Шесть человек. Я шла позади всех, потому что у меня болела нога. А потом... это был просто камень. Просто большой камень, который вдруг пошевелился. И он... он сидел там, на склоне, и плакал. Я не видела его лица — только спину, руки, закрывающие голову. Я замерла. Я не могла понять, что это. А Марко, наш гид, он подошёл ближе. Он хотел помочь, наверное. Думал, что человеку плохо. И он... он заглянул ему в лицо».

Голос женщины задрожал. Слышно было, как она пытается сдержать рыдания.

«Оно встало. Оно было огромным. И оно закричало. Такой крик... Бог мой, я никогда не забуду этот звук. А потом оно бросилось на Марко. Я не видела, что случилось дальше, я побежала. Я слышала крики — всех. Всех пятерых. Почему? Почему всех? Ведь на него посмотрел только Марко!»

Интервьюер: *«Остальные члены группы увидели лицо объекта, когда он напал. Они не были целями изначально, но стали ими в процессе. Вы — единственная, кто не видел его лица и успел убежать. Вы уверены, что не видели?»*

«Нет! Клянусь, нет! Я только слышала его плач. И до сих пор слышу. Каждую ночь. Я просыпаюсь от этого плача. Мне кажется, он меня ищет. Скажите, он меня найдёт? Скажите, что я в безопасности!»

Запись оборвалась. Саша сняла наушники. В висках стучало. Значит, есть выжившая. Косвенная, но выжившая. Та, кто слышала плач, но не видела лица.

— Где она сейчас? — спросила Саша.

— Всё ещё под защитой Фонда, — ответила Кляйн. — Ей предоставили новую личность, новую жизнь. Но психологическая травма осталась. Она стала единственным свидетелем, который может описать звуковую составляющую аномалии. И знаете, что самое интересное?

Саша ждала.

— Она утверждает, что перед тем, как объект активировался, плач изменился. Он стал... испуганным. Как будто существо поняло, что на него смотрят, и пришло в ужас. Не в ярость, а в ужас. Ярость пришла потом. Сначала был страх.

Саша закрыла глаза. Перед её мысленным взором снова встала та скрюченная фигура за стеклом. Плач. Вечный, непрекращающийся плач. И тот короткий миг, когда ритм изменился в ответ на её голос.

— Теперь вы понимаете, — тихо сказала Кляйн, — почему доктор Дэн верит в вашу теорию. Возможно, он не монстр. Возможно, он жертва. Но от этого он не менее опасен.

— Я понимаю, — Саша открыла глаза. — Но если он жертва, то есть тот, кто сделал его таким. И если я смогу выяснить, кто и как, возможно, я смогу это остановить.

Кляйн ничего не ответила. Она просто выключила терминал и вернулась на своё место в углу. Но Саша заметила, как её губы чуть дрогнули — не улыбка, скорее тень одобрения.

В тот вечер Саша покинула архив с тяжёлой головой и целым ворохом новых вопросов. Интервью с Марией Эстевес подтверждало её догадку: объект испытывает эмоции. Страх, боль, отчаяние. Но что могло вызвать такую реакцию на простой визуальный контакт? Что за проклятие превратило его в идеальную машину для убийства, которая при этом непрерывно страдает?

Она чувствовала, что ответ лежит не в физике, не в биологии, а в чём-то ином. В чём-то, что Фонд либо не мог, либо не хотел искать.

Завтра она собиралась снова пойти в лабораторный блок 7-Г и провести вторую аудиосессию. Но на этот раз у неё был план. Она собиралась проиграть объекту запись его собственного плача — ту самую, что зафиксировали гидрофоны во время инцидента с батисферой. Идея была рискованной, почти безумной, но интуиция подсказывала: если она хочет получить реакцию, нужно говорить с ним на его языке.

На языке боли.

Глава 5: Эксперимент 096-Омега

На следующее утро Саша стояла перед бронированным стеклом лабораторного блока 7-Г и чувствовала, как в груди нарастает холодное, тянущее напряжение. Она почти не спала ночью, прокручивая в голове план, который теперь казался ей то ли гениальным, то ли смертельно опасным. Возможно, и тем, и другим одновременно.

В лаборатории, помимо неё и доктора Дэна, находились ещё трое: два техника за пультом мониторинга и представитель службы безопасности — мрачный тип с ничего не выражающим лицом, который должен был немедленно остановить эксперимент, если что-то пойдёт не так. Или, скорее, попытаться остановить.

— Я хочу ещё раз уточнить, — произнёс доктор Дэн, и в его голосе звучали нотки, которые Саша не слышала раньше. Не страх, но что-то близкое. Обеспокоенность. — Вы собираетесь проиграть объекту аудиозапись его собственного крика. Вы понимаете, что это может быть воспринято как провокация?

— Понимаю, — ответила Саша, не отрывая взгляда от скрюченной фигуры за стеклом. — Но я также понимаю, что за два года содержания все попытки коммуникации провалились. Мы пробовали угрозы, просьбы, мольбы. Мы даже пробовали музыку — помните эксперимент 096-М-12? Бах, Моцарт, белый шум. Ноль реакции. Но никто ни разу не пробовал говорить с ним на его собственном языке.

— Потому что его язык — это крик, — сухо заметил Дэн. — Крик, за которым следует смерть.

— Его язык — боль, — поправила Саша. — И я хочу показать ему, что я слышу эту боль. Что я признаю её. В психологии травмы это называется валидацией. Если он способен воспринимать звуки — а мы знаем, что способен, — то он должен узнать собственный голос.

Дэн помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Но при первых признаках активации я прекращаю эксперимент. У нас есть отвлекающая цель в соседнем секторе — D-1834. Если что, мы используем её.

Саша стиснула зубы, но промолчала. Она ненавидела эту практику, но сейчас у неё не было рычагов, чтобы её оспорить.

— Запись готова? — спросила она, усаживаясь за микрофон.

— Готова, — отозвался один из техников. — Это фрагмент из инцидента 096-17, тот самый, с батисферы. Мы очистили его от фонового шума и голоса D-класса. Остался только крик объекта. Длительность — четыре секунды. Заиклено на повтор с интервалом в десять секунд.

— Начинайте.

В лаборатории воцарилась тишина. Саша нажала кнопку аудиосвязи, но на этот раз не стала говорить. Вместо этого она дала знак технику.

Из динамиков в камере содержания раздался звук.

Он был низким, утробным, почти инфразвуковым — такой звук мог бы издавать раненый кит, если бы киты умели кричать от невыносимой душевной муки. Он проникал не через уши, а словно напрямую в грудную клетку, заставляя вибрировать кости. Саша видела, как техники за пультом вздрогнули. Доктор Дэн побледнел. Даже охранник у двери, до этого казавшийся высеченным из камня, чуть заметно напрягся.

Но всё это было ничем по сравнению с реакцией в камере.

SCP-096 дёрнулся. Впервые за долгое время наблюдений его тело совершило резкое, спазматическое движение. Пальцы, закрывавшие лицо, сжались ещё сильнее, почти впиваясь в кожу. Ритм его собственных всхлипов сбился, словно сердце пропустило удар.

А потом он закричал в ответ.

Это не был тот крик, который фиксировали камеры во время активации. Это был другой звук — более высокий, надрывный, почти жалобный. Словно существо, услышав собственный голос, отозвалось на него не яростью, а горем. Так кричат люди, узнавшие о смерти близкого.

— Биометрия! — рявкнул Дэн. — Доклад!

— Сердцебиение: сто двадцать ударов в минуту и растёт! — голос техника дрожал. — Мозговая активность перешла в жёлтую зону! Объект не активирован, повторяю, не активирован, но...

— Он отвечает, — прошептала Саша. — Он отвечает мне.

Она снова нажала кнопку связи.

— Ты слышишь меня. Я знаю, что слышишь. Это твой голос. Твой крик. Я знаю, что тебе больно. Я знаю, что ты не хочешь убивать.

Существо в камере задрожало. Его плечи затряслись, и из горла вырвался новый звук — на этот раз серия коротких, прерывистых всхлипов, совершенно не похожих на монотонный плач, к которому все привыкли. Саша, затаив дыхание, вслушивалась. Ей казалось, что в этих всхлипах есть структура. Почти ритм. Почти... речь?

— Он пытается что-то сказать, — произнесла она, не веря самой себе.

— Зафиксировано, — глухо ответил техник. — Вокализация отличается от стандартной. Частотный анализ показывает модуляции, характерные для... для речевого аппарата. Но язык не идентифицирован.

— Дайте мне спектрограмму! — потребовала Саша.

На экране перед ней развернулась визуализация звука — зубчатые пики и провалы, танцующие в реальном времени. Саша не была лингвистом, но она изучала коммуникацию приматов и знала: даже у животных есть паттерны, выдающие осмысленную речь. И сейчас на спектрограмме творилось нечто невозможное.

Звуки, издаваемые 096, не были случайными. В них прослеживались повторяющиеся структуры — слоги, паузы, ударения. Это был язык. Настоящий, сложный, нечеловеческий язык, который никто никогда не слышал.

— Он говорит, — выдохнула Саша. — Всё это время он говорил, а мы считали это просто плачем.

Доктор Дэн подошёл ближе и всмотрелся в спектрограмму. Его лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало крайнюю степень изумления.

— Если это язык, — медленно произнёс он, — то возникает вопрос: кому он принадлежит? Это не человеческая речь. Анатомия его голосового аппарата не приспособлена для человеческой речи. Но структура... структура слишком сложна для животного.

— Можно дать ему ещё послушать? — спросила Саша. — Другой фрагмент? Что-то, что вызовет более развёрнутый ответ?

Дэн покачал головой.

— Нет. На сегодня хватит. Мы получили больше данных за один эксперимент, чем за два года наблюдений. Нужно проанализировать запись, привлечь лингвистов, возможно, семиотиков из отдела античной письменности. И... — он замолчал, словно не решаясь произнести следующую фразу.

— И что?

— И нужно решить, сообщать ли об этом Совету О5. Потому что если они узнают, что объект потенциально разумен и способен к коммуникации, его классификация может измениться. А вместе с ней — и протоколы содержания. Возможно, его переведут в другую Зону. Или, наоборот, усилят изоляцию до такой степени, что мы больше никогда не сможем с ним работать.

Саша посмотрела на скрюченную фигуру за стеклом. Существо снова затихло, вернувшись к своему обычному состоянию — дрожащее, рыдающее, закрывающее лицо руками. Но теперь она знала: за этой маской скрывается разум. Разум, который пытается докричаться до них уже очень, очень давно.

— Мы должны сообщить, — твёрдо сказала она. — Потому что если он разумен, то его содержание в текущих условиях — это пытка. А пытка разумного существа противоречит даже тем сомнительным этическим нормам, которые у вас есть.

— Или подтверждает их, — мрачно возразил Дэн. — Разумное существо, убившее сотни людей. Это не жертва, доктор Волкова. Это опасный хищник, который, возможно, понимает, что делает.

— Мы не узнаем, пока не спросим.

Дэн долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Я подготовлю отчёт. А вы пока займитесь анализом записи. И ещё... — он понизил голос, — капитан Дюбуа не должен знать об этом. Если он узнает, что объект проявил признаки разумности и коммуникации, он потребует немедленного ужесточения содержания. Или хуже — ликвидации. А у него есть друзья в Совете.

Саша кивнула и снова повернулась к стеклу. Она смотрела на SCP-096 и думала о том, что теперь всё изменилось. Она больше не просто наблюдатель. Она — первый человек за долгое время, который услышал голос этого существа. И теперь она обязана понять, что оно пытается сказать.

Вечером, сидя в своей каюте, Саша в сотый раз переслушивала запись. У неё не было доступа к серьёзным лингвистическим базам данных, но она сделала то, что могла: разложила запись по частотам, выделила повторяющиеся паттерны, сравнила их с известными языковыми семьями. Ни одного совпадения.

Этот язык не принадлежал ни одной человеческой культуре. Более того, анализ показал, что его фонетическая структура не могла быть произведена человеческим голосовым аппаратом. Звуки, которые издавал 096, использовали частоты, недоступные для человеческого уха. Инфразвук, ультразвук — целые слои коммуникации, которые люди просто не могли воспринимать.

И тогда Саша вспомнила кое-что. В архиве она видела файл, который тогда не привлёк её внимания. Документ был помечен грифом «Происхождение» и содержал обрывочные сведения о месте, где впервые обнаружили SCP-096. Гималаи. Горы, которые местные жители называли «Обителью Богов». Там, на высоте более восьми тысяч метров, экспедиция Фонда нашла не только само существо, но и некие артефакты, классифицированные отдельно.

Артефакты. Отдельно от объекта.

Она открыла терминал и начала искать. Доступ уровня 3 позволял ей просматривать каталоги смежных объектов, но файлы были разрозненными, неполными. Словно кто-то намеренно вымарал все упоминания о том, что нашли рядом с 096.

Кроме одного. Короткая запись в полевом дневнике агента, участвовавшего в захвате:

«...Мы нашли его в пещере. Он сидел там один, и вокруг него были эти письмена. На стенах, на камнях, на том, что осталось от алтаря. Я не мог прочитать их, но наш переводчик сказал, что это очень, очень старый язык. Он сказал: это язык тех, кто жил здесь до людей. До шумеров, до египтян, до всех. Я спросил, что написано. Он побледнел и отказался отвечать».

Саша откинулась на спинку стула. В висках стучало. Пещера. Алтарь. Письмена на древнем, нечеловеческом языке. И существо, сидящее в центре этого храма, плачущее и закрывающее лицо руками.

Что, если SCP-096 не был монстром? Что, если он был хранителем? Или, ещё хуже — жертвой? Той, которую оставили в этой пещере на тысячелетия, обречённую убивать каждого, кто на неё посмотрит?

Это казалось безумием. Но Саша слишком долго искала невозможное, чтобы отмахиваться от безумных теорий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.